

Герцен и Пушкин

М. Клевенский

Начало сознательной жизни Герцена совпадает со временем полного расцвета гения Пушкина. Еще до «грома пушек на Исаакиевской площади, разбудившего целое поколение», совсем юный Герцен жадно впитывал некоторые из тех идейных влияний, которые испытывали и будущие декабристы. Среди этих идейных воздействий, пережитых талантливым подростком, едва ли не на первое место нужно поставить гражданскую лирику Пушкина.

Во многих местах своих сочинений Герцен ярко и образно говорит о том революционизирующем значении, которое имели стихи Пушкина для всей молодежи конца десятих и начала двадцатых годов XIX века. «Революционные стихотворения Рылеева и Пушкина можно было найти в руках молодых людей в самых отдаленных областях империи. Не было ни одной благовоспитанной барышни, которая не знала бы наизусть их, ни одного офицера, который не носил бы их в своей сумке, ни одного поповского сына, который не снял бы с них дюжину копий»¹.

Очень много способствовал ознакомлению Герцена с Пушкиным его учитель русского языка, студент медицинского факультета Иван Евдокимович Протопопов. Этот типичный разночинец, исполненный неопределенного либерализма, рекомендовал своему ученику самым прилежным образом изучать «Образцовые сочинения» — громадную хрестоматию старых авторов, и тут же «для поощрения» прибавлял, что десять строк «Кавказского пленника» лучше всех образцовых сочинений Муравьева, Капниста и компании. «Поклонение юной литературе

сделалось безусловно, — да она и могла увлечь именно в ту эпоху, о которой идет речь. Великий Пушкин явился царем-властителем литературного движения; каждая строка его летала из рук в руки; печатные экземпляры «не удовлетворяли», списки ходили по рукам»¹.

Когда воспитанник Протопопова открылся ему в своих вольнолюбивых настроениях, последний растроганно пожелал, чтобы эти чувства в нем развились и укрепились, и после этого стал давать ему тетради с ненапечатанными стихами Пушкина. Герцен был в восторге от них, переписывал их, выучил все наизусть. Подруга его отроческих лет Т. П. Пассек добавляет к воспоминаниям Герцена некоторые интересные подробности. «С этого времени, кроме преподавания наук в романтической форме, Иван Евдокимович стал носить нам тайком мелко исписанные тетради с запрещенными стихами Пушкина. Мы списывали их украдкой, вытверживали их наизусть, прятали на ночь под подушку, чтобы они не попали в такие руки, в которые не следует, и тверже удержались в памяти. Саша, по живости характера и врожденной беспечности, не выдерживал тайны и громко декламировал то «Оду на вольность», то «Деревню», «Кинжал». Чтобы навести на слушателей страх и трепет, принимал трагическую позу, мрачное лицо и задыхающимся голосом говорил бывало:

Но Брут восстал вольнолюбивый:
Кинжал, ты кровь излил, и мертв съем-
лет он

Помпея мрамор горделивый².

¹ «О развитии революционных идей в России» Сочинения Герцена под редакцией Лемке, т. VI, стр. 350.

¹ «Записки одного молодого человека». Сочинения, т. II, стр. 390.

² Т. П. Пассек. «Из давних лет», т. I. СПб. 1878, стр. 222.

Первое восторженное восприятие Пушкина молодым Герценом было именно восприятие его как поэта-декабриста, автора вольнолюбивых стихотворений. К этому вскоре прибавилось и другое: Герцен глубоко оценил Пушкина как поэта-реалиста, изображителя русской жизни. Когда вышла в середине февраля 1825 года первая глава «Евгения Онегина», тринадцатилетний Герцен пришел в полное восхищение, месяца два носил книжку в кармане, выучил всю главу на память.

Естественно, что при таком восторженном отношении к Пушкину у мальчика явилось сильнейшее желание увидеть поэта. «Потом, года через полтора, я услышал, что Пушкин в Москве. О, боже мой, как пламенно я хотел увидеть поэта! Казалось, что я вырасту, поумнею, поглядевши на него. И я увидал, наконец, и все показывали, с восхищением говоря: «вот он, вот он...»¹.

Дело, очевидно, шло о приезде Пушкина в Москву осенью 1826 года. Т. П. Пассек добавляет к этому, что Герцену удалось увидеть Пушкина в Благородном собрании, куда поэт пришел вместе с Баратынским.

Т. П. Кучина-Пассек была не совсем подходящим товарищем для Герцена в его увлечении революционной лирикой Пушкина. Вскоре у него появился настоящий друг и полный единомышленник. Когда он встретился в первый раз с Н. П. Огаревым, то мальчики сначала читали вместе Шиллера, потом, отложив книгу, стали выпытывать друг у друга свои симпатии, при чем были поражены сходством своих вкусов. «Запрещенные» стихи Пушкина, как оказалось, занимали одно из самых видных мест в литературном пантеоне обоих собеседников.

Через несколько лет, уже в студенческом кружке Герцена и Огарева, Пушкин продолжает занимать свое место среди литературных увлечений радикально настроенных юношей. Член кружка Н. И. Сазонов в 1860 году, будучи в эмиграции, вспоминал в газете «Le Nord»: «Все, начиная с наших костюмов, указывало на самую причудливую смесь: зимой мы носили черные бархатные береты à la Карл Занд и трехцветные французские шарфы. На собраниях нашего кружка мы декламировали запрещенные стихотворения Рылеева и Пушкина и

распевали наполеоновские куплеты Беранже наряду с анти-французскими песнями Арндта, Уланда и Кернера»¹.

Идеология молодого Герцена складывалась под очень разнообразными влияниями. Это была, действительно, довольно причудливая смесь». Некоторые из его литературных увлечений имели лишь преходящий характер. Но поэзия Пушкина прочно вошла в обиход его внутренней жизни. В «Записках одного молодого человека» (1840 г.) он говорит: «У меня страсть перечитывать поэмы великих maestri: Гете, Шекспира, Пушкина, Вальтер-Скотта. Казалось бы, зачем читать одно и то же, когда в это время можно украсить свой ум произведениями гг. А, В, С? Да в том-то и дело, что это не одно и то же; в промежутки какой-то дух меняет очень много в вечно живых произведениях маэстро»².

«Вечным спутником» Герцена остается Пушкин и в эмигрантский период его жизни. Он «упивается» Пушкиным, когда ему попадают в руки его книги, выписывает себе из России новое анненковское издание и радуется ему, охотно читает Пушкина вслух в домашнем кругу, заботится, чтобы его дети знакомились с великим поэтом, распространяет сочинения Пушкина среди своих знакомых.

Исключительная любовь Герцена к Пушкину и великодушное знакомство с ним очень хорошо выразились в той щедрости, с какою он цитирует поэта в своих писаниях. Можно определенно сказать: никакого другого мирового писателя Герцен не цитирует так много, как Пушкина, и никто из крупных русских литературных деятелей не прибегает так часто к цитированию Пушкина, как Герцен. Все, писанное Герценом, насквозь проникнуто реминисценциями из Пушкина. Стихи Пушкина и отдельные его выражения приводились им постоянно как в частных письмах и дневнике, так и в литературных произведениях; он очень часто берет эпитграфы из Пушкина, иногда шуточно пародирует его. При этом нередко Герцен приводит стихи Пушкина не совсем точно, — конечно, потому что он цитирует по памяти.

Очень характерна следующая психологи-

¹ Записки одного молодого человека» Сочинения, т. II, стр. 391.

² Герцен. Сочинения, т. XIV, стр. 130 (в примечаниях Лемке).

³ Сочинения, т. II, стр. 401.

ческая подробность. Когда с 1850 года началась тяжелая семейная драма Герцена на почве отношений его жены к Георгу Гервегу, то в эти исключительно трагические моменты его личной жизни Герцену для выражения своих чувств приходили в голову словесные формулировки Пушкина или образы его произведений. Как он рассказывает в «Былом и думах», в самом начале драмы он несколько раз писал Гервегу, советуя ему подумать, может ли он начать новую жизнь, стряхнувши с себя порчу цивилизации, и напомнил ему Алеко, которому старый цыган говорит: «Оставь нас, гордый человек, ты для себя лишь хочешь воли». В начале 1851 года перед Герценом мучительно встал вопрос, в какую же форму отольются дальше взаимные отношения участников драмы. «На другое утро я взял свою старую повесть «Кто виноват?» и перечитал журнал Любеньки и последние главы. Неужели это было пророчество моей судьбы так, как дуэль Онегина была предвещанием судьбы Пушкина?»¹

В 1853 году Герцен основал в Лондоне «Вольную русскую типографию», с 1855 года стал выпускать журнал «Полярная звезда». Название «Полярной звезды», как и виньетка на обложке, были связаны с воспоминанием о декабристах; эпиграф к журналу «Да здравствует разум» был взят из Пушкина. С того момента, как в распоряжении Герцена оказался печатный станок, он задался целью напечатать все значительное, что не могло появиться в России по цензурным условиям, и на первом месте здесь для него стояли стихи Пушкина. Уже в феврале 1853 года Герцен выпустил литографированный листок под заглавием «Вольное русское книгопечатание в Лондоне. Братьям на Руси», в котором извещал о скором открытии русской типографии и просил присылать ему все, «писанное в духе свободы», что не могло увидеть света в России. «Если у вас нет ничего готового, своего, пришлите ходящие по рукам запрещенные стихотворения Пушкина, Рылеева, Лермонтова, Полежаева, Печерина и др.»², зывал Герцен.

Получить материалы из России для напечатания в Лондоне оказалось не так про-

сто. Через год после своего воззвания, в 1854 году, Герцен еще ничего не получил и иронизировал по этому поводу (в примечании к книге «Тюрьма и ссылка»): «Издать ненапечатанные стихотворения Пушкина, Лермонтова, Полежаева, Рылеева и др. — одно из наших самых горячих желаний. Мы думаем даже обратиться с просьбой доставить нам рукописи к русскому правительству или духовенству, — от светских литераторов, журналистов и прогрессистов не дождешься»¹.

О том, как много пришлось Герцену хлопотать, чтобы добыть запрещенные тексты Пушкина, дает представление его переписка с другом — Марией Каспаровной Рейхель, которая жила тогда в Париже и служила посредницей в сношениях Герцена с его старыми московскими приятелями. Эти приятели испортили много крови Герцену своей инертностью и боязливостью. Считаю небезынтересным привести все те отрывки из писем Герцена к Рейхель, которые касаются получения стихов Пушкина.

Одновременно с опубликованием воззвания «Братьям на Руси» Герцен 12 февраля 1853 года пишет своей корреспондентке: «Во-первых, мне необходимы все ненапечатанные стихи Пушкина, «Юмор» Огарева, потом мне нужно свежие вести, постоянные, — и все это так легко, что, пожалуй, человек пойдет на Тверскую с запиской»².

С 12 апреля начинаются его жалобы на москвичей. «Поведением наших я не могу быть доволен: их осторожность помогает правительству; разумеется, молчать и сидеть сложа руки лучше, т. е. спокойнее. Еще раз повторяю, это — вопрос своим и чужим. Почему вы знаете, что не найдутся люди в Киеве, в Харькове, которые захотят через поляков прислать? Да хоть бы Пушкина запрещенные стихи, которые из Москвы вряд дождемся ли». Через шесть дней: «Хоть бы достали через Ст.³ новых русских книг. Я заплатил бы за проезд, — ведь пишут же что-нибудь. А главное, Пушкина ненапечатанное. Вот благоденствие будет. У Кетчера все есть». 9 июня, в связи с ожидавшимся приездом за границу

¹ Сочинения, т. XIV, стр. 803.

² Последние слова — шутка, основанная на воспоминаниях о старой московской жизни герценовского кружка.

³ А. В. и Е. К. Станкевич.

¹ Сочинения, т. VII, стр. 35; т. XIII, стр. 516 и 519.

² Сочинения, т. VII, стр. 187.

артиста Михаила Семеновича Щепкина, Герцен пишет: «Я шесть лет говорю всем отправляющимся: у Христоф.¹ есть полный список запрещенных стихов Пушкина. Теперь знают в Москве о типографии; при выезде никогда ничего не осматривают. Хотите пари держать, что и Мих. Сем. не привезет их? Бутылку... бочку... чан... пруд... озеро шампанского, — я держу». Щепкин, действительно, ничего не привез, что видно из письма от 25 августа «В слазьянской натуре есть изъян, она не готова, апатична, беспомощна, «ahurie»². Ну, в чем, например, была опасность прислать Пушкина и Лермонтова стихи? Ленъ. Будто один Гр.³ знал об отъезде Мих. Сем., а Кетчер, а другие?» После отъезда Щепкина Герцен возлагал надежды на приезд другого русского; 18 ноября он пишет: «Жду с радостью Б.⁴; вероятно, он уехал после отъезда Мих. Сем., стало, была полная возможность с ним прислать Пушкина и др. Нет, Мария Каспаровна, это не живые люди, а люди любящие, хорошие, но умершие для всякой деятельности». Однако и 27 декабря, сообщая Рейхель о разных вещах, которые он желал бы получить из России, Герцен безнадежно добавляет: «А Пушкина рукописные стихи?»

В тех же безуспешных попытках получить для напечатания стихи Пушкина проходит и весь 1854 год. В переписке Герцена с Рейхель это отразилось в одном письме — от 4 апреля. «А вот я так познал московских людей: ведь никто не пришлет Пушкина, придется через поляков доставать».

Последняя жалоба Герцена находится в его письме от 28 июля 1855 года. «Германия набита русскими, на водах и горах, — что же нельзя письма ни с кем послать, писем Пушкина, книг?»

Первая книга «Полярной звезды» вышла в конце июля или начале августа 1855 года. Герцену так и не удалось поместить в ней стихов Пушкина. Обращаясь к читателям, он говорит по этому поводу: «Полярная звезда» должна быть, и это одно из самых горячих желаний наших, убежищем всех рукописей, тонущих в императорской цен-

зуре, всех изувеченных ею. Мы в третий раз обращаемся с просьбой ко всем грамотным в России доставлять нам стихи Пушкина, Лермонтова и др., ходящие по рукам, известные всем («Ода на свободу», «Кинжал», «Деревня», пропуски из «Онегина», из «Демисна», «Гавриилиады», «Торжество смерти», «Поликрат Самосский») ¹. Рукописи погибнут, наконец, — их надобно закрепить печатью».

Однако в той же первой книжке Герцен мог прибавить в конце следующее оповещение: «Книжка наша была уже отпечатана, когда мы получили тетрадь стихотворений Пушкина, Лермонтова и Полежаева, — часть их поместим в следующей книжке. Мы не знаем меры благодарности за эту присылку, — наконец-то, наконец-то!»

Со второй книги «Полярной звезды» началась публикация пушкинских материалов. Здесь было помещено 13 стихотворений Пушкина. В четвертой книге (1858 г.) было помещено еще 5 стихотворений, в пятой (1859 г.) — 14 стихотворений.

Много внимания уделено Пушкину в шестой книге «Полярной звезды» (1861 г.). Здесь имеется: 8 писем Рылеева к Пушкину (стр. 33—40), 25 писем Пушкина к разным лицам (стр. 76—104) и «Материалы для биографии А. Пушкина» (стр. 105—140). Под этим заголовком напечатаны: неизданные места из записок И. И. Пущина; отрывок из «Путешествия в Арзрум» (беседа с Ермоловым); примечания Пушкина к «Истории Пугачевского бунта»; переписка Воронцова с Нессельроде; письма разных лиц, касающиеся дуэли Пушкина, и др.

Кроме «Полярной звезды», из герценовских изданий стихотворения Пушкина есть еще в «Русской потаенной литературе XIX столетия» (1861 год, с предисловием Н. П. Огарева). Стихотворения Пушкина занимают здесь страницы 1—108 (частично, конечно, они совпадают с тем, что находится в «Полярной звезде»). Они разбиты на следующие отделы: 1. Стихотворения в разных родах. 2. Стихотворения эротические. 3. Эпиграммы. 4. Пропущенные места в издании Анненкова. 5. Пропущенные стихотворения.

В деле опубликования произведений Пушкина и биографических материалов о

¹ Н. Х. Кетчер.

² Ошеломлена.

³ Грановский Т. Н.

⁴ Бодиско.

¹ Две последних вещи принадлежат В. С. Печерицу.

нем Герцен сыграл довольно значительную роль. Конечно, к его публикациям нельзя предъявлять строгих научных требований: он только мог печатать то, что ему присылалось из России, с именем Пушкина, и в той редакции, которая ему присылалась. Поэтому в своих изданиях он напечатал немало сомнительных пушкинских текстов или прямо таких, принадлежность которых Пушкину позже была решительно отвергнута. Это в особенности касается «Русской потаенной литературы XIX столетия». Уже во время печатания этой книги были получены сведения, на основании которых Огарев должен был в примечаниях указать, что некоторые из приписанных здесь Пушкину стихотворений в самом деле ему не принадлежат.

Герцен-эмигрант был не только издателем стихотворений Пушкина,—он неоднократно выступал в литературе со своими оценками творчества Пушкина. Чаще всего он делал это в тех своих сочинениях, которые имели в виду ознакомить западно-европейского читателя с Россией и русским народом. Герцен ставил себе целью разбить предрассудок, в силу которого в Западной Европе политику русского правительства слишком часто отождествляли с тенденциями русского народа вообще, и осветить истинное положение дела, как оно представлялось Герцену.

Главные высказывания Герцена о Пушкине находятся в его статье 1851 года «О развитии революционных идей в России», появившейся первоначально на французском языке. Позднейшая статья «Новая фаза русской литературы» (1864 г.) представляет частично повторение того, что находится в первой названной статье. Необходимо иметь в виду и другие произведения Герцена, где он попутно говорит о Пушкине: «Былое и думы», статью 1863 года в «Колоколе» «1861 — 1863», «С того берега», статью 1849 года «La Russie», немецкую статью 1857 года «О романе из народной жизни в России» и др.

В своих статьях Герцен горячо доказывал, что Россия имеет большое будущее. Залогом этого будущего для него, наравне с общинным духом народа, была и русская литература, высшим представителем которой являлся Пушкин. «После крестьянского коммунизма ничто так глубоко не харак-

теризует Россию, ничто не предвещает ей столь великой будущности, как ее литературное движение»¹. В статье «Россия», посвященной Гервегу, тогда его другу, Герцен пишет в 1849 году: «Мне кажется, что в русской жизни есть нечто более возвышенное, чем община, и более сильное, чем власть; это «нечто» трудно выразить словами и еще труднее указать на него пальцем. Я говорю о той внутренней, не вполне сознающей себя силе, которая так удивительно поддерживала русский народ под игом монгольских орд и немецкой бюрократии, под восточным кнутом татарина и западной розгой капрала,—я говорю о той внутренней силе, благодаря которой, несмотря на унижительную дисциплину рабства, русский крестьянин сохранил открытое красивое лицо и живой ум и которая на императорский приказ ввести цивилизацию ответила, спустя столетие, колоссальным явлением Пушкина»².

Эта мысль о Пушкине, как «ответе» Петру I и залогом великого будущего для России, была настолько дорога Герцену, что через год он счел необходимым почти дословно повторить ее в своем замечательном произведении «С того берега».

Мысли Герцена о значении Пушкина связывались с его общей схемой новой русской истории³. В изображении Герцена Петр I был «коронованный революционер», «якобинец, когда еще не было якобинства во Франции», «деспот по образцу комитета общественного спасения». Он действовал трубами и жестокими средствами, от него ведет начало полный отрыв верхних слоев от народных масс, но тем не менее он исполнял крупную цивилизаторскую миссию. Так было, по мнению Герцена, и при его преемниках. При Екатерине II «правительство продолжало идти во главе цивилизации». Войной 1812 года закончилась первая часть петербургского периода русской истории; до этого момента во главе движения шло правительство, после 1812 года рядом с ним пошло и дворянство. Краткий период с 1812 по 1825 год был, по

¹ «Русский народ и социализм. Письмо к Мишле». Сочинения, т. VI, стр. 452.

² Сочинения, т. V, стр. 342.

³ Мы здесь излагаем эту схему, не входя в ее критику, которая напрашивается сама собой.

Герцену, последним органическим периодом цивилизаторской эпохи в России, ее апогеем. «Россия Петра I чувствовала себя сильною, юною, полною надежды¹. В эту эпоху и выступил Пушкин, звуками своей поэзии придавший ей особенный блеск. В дворянской среде в это время была «юность, отвага, ширь, поэзия, Пушкин, рубцы 1812 года, зеленые лавры и белые кресты»².

Со времен Николая I цивилизаторская миссия русского правительства окончилась. «От Петра I до Николая правительство высоко держало знамя прогресса и цивилизации, а с 1825 года — ничего подобного: власть только и думает, что о замедлении умственного движения»³.

В эпоху начавшейся угрюмой тишины и общественного упадка Пушкин один продолжал вносить в литературу ноты жизне-радостности и бодрости «Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений, эта песня продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдаленному будущему. Поэзия Пушкина была залогом будущего и утешением. Поэты, живущие во времена безнадежности и упадка, не поют подобных песен: они не подходят к похоронам»⁴.

По мнению Герцена, с наибольшей ясностью говорит об изменениях в общественном настроении после 1825 года сравнение Пушкина с Лермонтовым. Пушкин часто бывает недоволен и грустен, он оскорбляется окружающей обстановкой и негодует, но тем не менее он не перестает стремиться к миру и надеяться. Лермонтов, человек следующего поколения, исполнен безнадежности и неприятия.

Конечно, и для Пушкина с его мужественным оптимизмом не могла пройти бесследно эпоха николаевщины. В словах Сальери: «Все говорят: нет правды на земле, но правды нет и выше. Для меня так это ясно, как простая гамма» — Герцен угадывает глубокую привычку к страданию са-

мого Пушкина. Безмерно печально, говорит Герцен, сравнение двух посланий Пушкина к Чаадаеву, — оно говорит о жизни целого поколения, потерпевшего крушение. В первом послании Пушкин — юноша, верит в то, что «взойдет заря пленительного счастья». Но заря не взошла, а взошел Николай на трон, и Пушкин пишет: «Чаадаев, помнишь ли былое» и т. д.¹.

То определение Пушкина как здорового реалиста, которое ему дает Герцен в статье «О развитии революционных идей в России», не устарело и сейчас, — в отличие от изложенной выше неверной и явно идеализирующей цивилизаторскую функцию преэминов Петра исторической концепции Герцена. «Пушкин как нельзя более национален, в то же время понятен для иностранцев. Как все великие поэты, он всегда на уровне своего читателя. Везде русский поэт реален, — в нем нет ничего болезненного, ничего из той преувеличенной психологической патологии, из того абстрактного христианского спиритуализма, которое так часто встречается у немецких поэтов. Его муза — не бледное существо с расстроенными нервами, закутанное в саван, это женщина горячая, окруженная ореолом здоровья, слишком богатая истинными чувствами, чтобы искать искусственных, достаточно несчастная, чтобы выдумывать несчастья искусственные». Обладая пантеистической и эпикурейской натурой греческих поэтов, Пушкин вместе с тем, углубляясь в себя, находит в своей душе разъедающую иронию нашего века, горькую думу Байрона².

Из отдельных крупных вопросов, связанных с творчеством Пушкина, Герцен чаще всего возвращается к проблеме пушкинского байронизма. Он совершенно отказывается видеть в этом байронизме лишь подражательное литературное явление. Для Герцена, конечно, совершенно неприемлемо утверждение некоторых немецких ученых, что славяне лишены всякой самобытности, свойственной только немцам, что их отличительное свойство ограничивается переимчивостью³. Герцен не отрицает того, что

¹ «О развитии» и пр. Сочинения, т. VI, стр. 348

² «Император Александр I и В. Н. Каразин». Сочинения, т. XV, стр. 176

³ «О развитии» и пр. Сочинения, т. VI, стр. 365

⁴ «О развитии» и пр. Сочинения, т. VI, стр. 353.

¹ «Былое и думы», ч. IV, гл. XXX Сочинения, т. XIII, стр. 132

² Сочинения, т. VI, стр. 353—354

³ «О развитии» и пр. Сочинения, т. VI, стр. 351.

Байрон оказал некоторое влияние на Пушкина и Лермонтова; он даже находит объяснение этому явлению в известной близости английского «национального характера», которому присущи ирония и скептицизм, к русской национальной психологии¹. Но со всей убежденностью он доказывает, что видеть в байронизме Пушкина лишь подражание, значит обнаруживать «недостаток понимания и чутья»².

«Те, которые говорят, что поэма Пушкина «Онегин» есть «Дон-Жуан» русских нравов, не понимают ни Байрона, ни Пушкина, ни Англии, ни России: они судят по внешности. «Онегин» — это самое значительное произведение Пушкина, поглотившее половину его жизни. Эта поэма исходит именно из того периода, который нас занимает; она созрела в те грустные годы, которые следовали за 14-м декабря, и можно ли поверить, что подобное произведение, поэтическая автобиография — лишь простое подражание?»³.

Выросший на почве николаевского царствования, Онегин, по словам Герцена, — «печальный и вполне национальный образ». Разновидности этого типа встречаются во всех романах и поэмах, сколько-нибудь популярных в России, потому что и в жизни на каждом шагу встречались подобные «лишние люди». Онегин, Чацкий, Печорин, Ленский, герои ранних рассказов Тургенева, — все это одно и то же лицо. Даже герой «Тарантаса» графа Соллогуба — ограниченный и дурно воспитанный Онегин. «Факт тот, что все мы — более или менее Онегины, раз только мы не предпочитаем быть чиновниками или помещиками»⁴.

Герцен связывал Пушкина с определенным общественным слоем — средним дворянством. В своих более ранних статьях он склонен был идеализировать этот слой и даже видел в нем надежду будущей русской революции. В статье 1849 года «Россия» он пишет: «Между высшей знатью, которая обитает почти исключительно в Петербурге, и дворянским пролетари-»

и а т о м чиновников и безземельных дворян лежит весьма значительный слой среднего дворянства, нравственным центром которого является Москва. Несмотря на общую нравственную порчу и этого слоя, надо признать, что в нем именно таятся зародыши и умственный центр будущей революции... В этом слое, так нелепо поставленном между цивилизацией и правом плантатора, между ярмом неограниченной правительственной власти и господскими правами над крестьянами, в этом слое, где можно встретить самую высокую научную культуру Европы, при отсутствии свободы слова, без иного дела, кроме государственной службы,— в этом слое волнуются страсти и силы, которые, не имея выхода, бродят, растут и часто проявляются в виде той или иной ослепительной, необычно эксцентричной личности. Из этого именно слоя исходит все литературное движение России, из него вышел Пушкин, этот наиболее полный представитель широты и богатства русской природы; в нем же зародилось и выросло 14 декабря 1825 года, — это отпущение грехов целой касты, ее расчет за целый век»¹.

Очень характерно то волнующее наслаждение, с которым Герцен читал в 1859 году письма Пушкина, помещенные в одном из журналов. Это — не только наслаждение, доставленное высоким мастерством эпистолярного стиля Пушкина, и не только увлечение интересным историческим документом. Это прежде всего наслаждение воспоминания. Дворянский быт писем Пушкина — это быт и молодого Герцена, это для него что-то глубоко свое, родное. «Я всегда с каким-то трепетом, с каким-то болезненным наслаждением, нервным, глубоким и, может, близким к страху, смотрел на письма людей, которых видел в молодости, которых любил, не зная, по рассказам, по их сочинениям, и которых больше нет. Недавно я испытал это еще раз, читая письма Карамзина в «Атенеи» и Пушкина в «Библиографических записках». Дни целые они были у меня перед глазами, и не только дни, но тогдашнее время, вся их обстановка, как я ее почутил, как я ее читал, воскресла с ними вместе с 1812 и 1825, император Александр, книги, костюмы...»².

¹ «Из писем путешественника во внутренности Англии». Сочинения, т. VIII, стр. 303

² «О романе из народной жизни в России». Сочинения, т. IX, стр. 95—96.

³ «О развитии» и пр. Сочинения, т. VI, стр. 355.

⁴ «О развитии» и пр. Сочинения, т. VI, стр. 356.

¹ Сочинения, т. V, стр. 356.

² «Старые письма». Сочинения, т. X, стр. 31.

В известном столкновении 1859 года Герцена с Добролюбовым и Чернышевским вопрос об отношении к Онегину и всем, генетически с ним связанным, «лишним людям» занял центральное место. Статья Чернышевского «Русский человек на rendez-vous» и особенно Добролюбова «Что такое обломовщина?» заставили Герцена встать на защиту дворянской интеллигенции двадцатых и сороковых годов. Он, в отрочестве заучивший роман Пушкина напамять, а позже доказывавший в своих статьях историческое значение Онегиных и Печориных, не мог вынести того, что демократы-разночинцы со своей революционной точки зрения трактовали всех этих литературных героев, как изящных бездельников. В знаменитой статье «Väry dangerous!!!» Герцен принял вызов. С негодованием отвергал он какое бы то ни было родство Онегиных и Печориных с Обломовым. Обломов для него — не тип русской интеллигенции, а «невская мокрица», читать описание которой можно лишь с зевотой и скукой.

«...Онегины и Печорины были совершенно истинны, выражая действительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни. Печальный рок лишнего, потерянного человека только потому, что он развился в человека, являлся тогда не только в поэмах и романах, но на улицах и в гостиных, в деревнях и городах. Наши литературные фланкеры последнего набора шпыняют теперь над этими слабыми мечтателями, сломавшимися без боя, над этими праздными людьми, не умевшими найти себя в той среде, в которой жили. Жаль, что они не договаривают, — я сам думаю, что если б Онегин и Печорин могли, как многие, приладиться к николаевской эпохе, Онегин был бы Виктор Никитич Пачин, а Печорин не пропал бы по пути в Персию, а сам управлял бы, как Клейнмихель, путями сообщения и мешал бы строить железные дороги»¹.

Резко-оскорбительная для руководителей «Современника» статья Герцена «Very dangerous!!!» вызвала, как известно, поездку Чернышевского в Лондон для объяснения с Герценом. Разговор, естественно, коснулся и «лишних людей». По всей вероятности, именно эту беседу с Чернышевским имел в виду Герцен, когда писал в статье 1860 го-

да «Лишние люди и желчевики»: «Что вы заступаете за этих лентяев (говорил нам недавно один желчевик, sehr ausgezeichnet in seinem Fache¹), дармоедов, трутней, белоручек, тунеядцев а là Oneguine?.. И, извольте видеть, они образовались иначе, и мир, их окружающий, слишком грязен, не довольно натерт воском, замарают руки, замарают ноги... То ли дело стонать о несчастном положении и преспокойно есть да пить?»².

Прочтя статью «Лишние люди и желчевики», И. С. Тургенев писал Герцену: «И за нас, лишних, заступился. Спасибо». Действительно, в статье Герцена заключалась довольно горячая защита людей «онегинского» типа из дворянской интеллигенции. Герцен доказывал, что если люди тридцатых и сороковых годов мало сделали, то в этом повинны не они, а общий строй русской жизни их времени и русское правительство.

То, что сказано Герценом в названной статье, не было его последним словом относительно «лишних людей». В статье 1864 года «Письма к противнику» он говорит о своем поколении довольно жесткие вещи, признавая, что и лучшие его представители «исходили болтовней». Герцен указывал своему оппоненту (Ю. Ф. Самарину), что молодое «разночинное» поколение дельнее и мужественнее, чем дворянская интеллигенция прежнего времени³. Здесь мы видим уступку мнениям «желчевика». В том, что говорил Герцен о лишних людях в 1860 и 1864 гг., наблюдается существенная разница; это стоит в связи с общей политической эволюцией, пережитой им за это время.

Помимо споров об Евгении Онегине как родоначальнике «лишних людей», в шестидесятых годах вопрос о Пушкине развился очень широко. Литературное расхождение дворянского и разночинного лагеря пошло прежде всего по линии споров о

¹ Очень выдающийся в своей области.

² Сочинения, т. X, стр. 419—420. М. К. Лемке в комментариях к сочинениям Герцена высказывает мысль, что Герцен здесь имел в виду не Чернышевского, а другое лицо. Гипотеза, что это мог быть А. А. Слепцов, совсем неубедительна. Во всяком случае, если бы Герцен под «желчевиком» подразумевал кого-либо другого, а не Чернышевского, это не меняет дела по существу.

³ Сочинения, т. XVII, стр. 377—379.

¹ Сочинения, т. X, стр. 13—14.

«пушкинском» и «гоголевском» направлениях, при чем молодое поколение было целиком на стороне последнего. Герцен в своих статьях ни разу не ставил вопроса в такой форме, но кидается в глаза, что Герцен неизмеримо реже цитирует Гоголя, чем Пушкина. Конечно, в своих статьях он не раз говорит о громадном значении потрясающего смеха Гоголя: когда в 1842 году он впервые познакомился с «Мертвыми душами», они произвели на него чрезвычайно сильное впечатление, что отразилось в его дневнике. Но никогда Герцен не говорит о Гоголе с таким безусловным восторгом, как о Пушкине. «Безжалостную иронию» Гоголя, на ряду с «лирическим скептицизмом» Лермонтова он связывает целиком с мрачной николаевской эпохой. «...Казалось, что умственное движение в России оживает; и однако, несмотря на внутреннюю работу, чувствуется большой упадок духа. Следы его запечатлелись в лирическом скептицизме Лермонтова, в безжалостной иронии Гоголя, в беспощадной, мрачной критике Белинского»¹. Пушкин для Герцена — высшее выражение эпохи подъема и расцвета; Гоголь — гениальный выразитель ущербной эпохи. Герцен подчеркивает, что глубоко национальный Пушкин в то же время близок и европейцам; относительно же Гоголя он указывает, что иностранцу трудно понять огромное впечатление, произведенное на русскую публику «Ревизором»².

К тем писателям, которых можно было назвать последователями Гоголя, Герцен проявлял большую сдержанность, — чтобы не сказать больше. Он, например, ставит в заслугу Тургеневу то, что он «не стал глотать костей, оставленных ему Гоголем», а нашел свою собственную тему³. По поводу пьесы Островского «Не в свои сани не садись» он пишет М. К. Рейхель: «...Язык злот, а ја «Женитьба» надоел, как горькая редька»⁴.

В начавшемся походе против «эстетики» главным представителем эстетики в русской литературе был объявлен Пушкин, на кото-

рого и обрушились жестокие удары. Отклик на это развенчание Пушкина Герцен дал в «Былом и думах», в той главе, которая представляла жестокою и пристрастною характеристику молодой эмиграции. Здесь говорилось: «Разве в нахальной дерзости манер и ответов вы не ясно видите дерзость офицерщины, и в людях, говорящих свысока и с пренебрежением о Шекспире и Пушкине, — внучат Скалозуба, получивших воспитание в доме дедушки, хотевшего дать «фельдфебеля в Вольтеры?»¹.

Когда Герцен познакомился с главным литературным представителем «разрушения эстетики», Писаревым, то его враждебно-пренебрежительный тон сменился иным, 8 января 1868 года он писал Огареву: «Дорого бы я дал, если бы ты мог прочесть книгу, которая доставляет мне перцовое наслаждение — «Сочинения» Писарева... Как досадно, что я порядком узнал этого Маккавья петербургского нигилизма так поздно. Вот собственное сознание и самооправдание, сделанное не дураком, не мошенником, а умным человеком. Он заставил меня иначе взглянуть на роман Тургенева и на Базарова. Может, я напишу что-нибудь об нем. Безграничная ненависть к Пушкину, снисходительное снисхождение (sic!) к Белинскому и к нам-то отношение, как к выжившим из ума беспокойным старичкам... Самые замечательные вещи: «Пушкин и Белинский» и «Базаров»². Герцен отчасти осуществил свое намерение, написавши статью «Еще раз Базаров»; но он говорит там лишь о понимании Писаревым Базарова и о «нигилизме» вообще, не касаясь эстетических взглядов Писарева и его отношения к Пушкину. Конечно, нельзя думать, чтобы «разрушение эстетики» Писарева, хотя и признанного Герценом умным и искренним человеком, в чем-нибудь могло повлиять на Герцена.

Общее отношение Герцена к Пушкину может быть охарактеризовано, как несомненный культ Пушкина. Те оговорки, которые он вносил в свое преклонение перед Пушкиным, незначительны и касаются больше политической линии поведения поэта, чем его творчества. Так, по поводу отношений Пушкина к Николаю I Герцен гово-

¹ «В редакцию—Польского демократа» (1853). Сочинения, т. VII, стр. 232.

² «О романе из народной жизни в России». Сочинения, т. IX, стр. 96.

³ Там же, стр. 99.

⁴ Сочинения, т. VII, стр. 323.

¹ Сочинения, т. XIV, стр. 421.

² Сочинения, т. XX, стр. 130.

рит об «отсутствии гордости, сопротивления», о «сомнительной гибкости», которые якобы составляют дурную сторону русского характера. Он отмечает два-три шовинистических стихотворения Пушкина, указывает, что иногда его патриотизм носил воинственный характер восторга исключительно перед внешней силой государства. Статью Пушкина о Радищеве он называет не делающей чести ее автору, при чем допускает и ту возможность, что Пушкин здесь не выражал своего подлинного отношения к Радищеву, а перехитрил из цензурных видов.

Все это не мешает тому, что для Герцена Пушкин — замечательный национальный поэт, «наиболее полный представитель широты и богатства русской природы», великий мастер, стоящий на уровне Шекспира и Гете. Герцен угадывал, что поэзия Пушкина «посылает свой голос отдаленному будущему».

В шестидесятые годы под знамя поклонения Пушкину очень часто становились люди либерального и реакционного направления. Поэтому неизбежен вопрос, чем же отличается Герцен от таких поклонников Пушкина, как Тургенев, Дружинин, Достоевский и пр.? Для либералов и реакционеров, боровшихся с «дидактизмом», Пушкин был выразителем идеи «чистого», оторванного от окружающей жизни искусства. В этом иногда с ними сходились и некоторые представители левого крыла об-

щественности шестидесятых годов (Писарев). Разница была только в том, что одни превозносили Пушкина за то, что он был поэтом «чистого искусства», а другие порицали. Для Герцена же Пушкин никогда не связывался с «чистым искусством», он всегда был для него великий реалист, вдохновлявшийся окружающей жизнью.

Другое отличие: Герцен очень чутко улавливал и высоко ставил революционную стихию в наследстве Пушкина, в то время как для обожателей Пушкина из правого лагеря этот революционный элемент был лишь незначительной подробностью, результатом юношеских увлечений поэта.

В статье 1912 года «Памяти Герцена» В. И. Ленин говорит о трех поколениях, последовательно действовавших в русской революции. «Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию». «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная звезда» подняла традицию декабристов» (т. XV, стр. 466 и 468). Об этой теснейшей связи с декабристскими настроениями нельзя ни на минуту забывать, говоря о Герцене. А Пушкин был для него прежде всего поэт, чье вдохновение поддерживало декабристов.

КРАСНАЯ НОВЬ

ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
КРИТИКИ И ПУБЛИЦИСТИКИ

О Р Г А Н
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ЯНВАРЬ

№ 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1 9 3 7